

На правах рукописи

Кудринский Максим Иванович

**ГЕТЕРОГРАФИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В
ХЕТТСКИХ ТЕКСТАХ**

Специальность 10.02.20 —
«Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание»

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Москва — 2018

Работа выполнена в отделе языков народов Азии и Африки ФГБУН
Института Востоковедения Российской академии наук

Научный руководитель: ведущий научный сотрудник отдела языков
народов Азии и Африки ФГБУН Института
востоковедения Российской академии наук,
д. филол. н.

Якубович Илья Сергеевич

Официальные оппоненты: **Баюн Лилия Семёновна**, д. филол. н., ведущий
научный сотрудник отдела сравнительного
изучения цивилизаций ФГБУН Института
всеобщей истории Российской академии наук

Александров Борис Евгеньевич, к. и. н.,
старший научный сотрудник кафедры истории
древнего мира Исторического факультета
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова

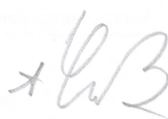
Ведущая организация: ФГБУН Институт лингвистических исследований
Российской академии наук (Санкт-Петербург)

Защита состоится 25 октября 2018 г. в 12:00 на заседании диссертационного
совета Д 002.006.03 на базе ФГБУН Института языкознания РАН по адресу:
125009, Москва, Б. Кисловский пер. д. 1 с. 1, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН
Института языкознания РАН и на сайте Института по адресу
<http://iling-ran.ru/main/theses/kudrinsky>

Автореферат разослан «__» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

А. В. Сидельцев

Общая характеристика работы

Хеттский язык – древний индоевропейский язык, принадлежащий к анатолийской группе, распространённый во втором тысячелетии до н.э. на территории Малой Азии, где в то время располагалось государство хеттов со столицей в городе Хаттуса. Тексты на хеттском языке записывались при помощи клинописи, первоначально возникшей в Месопотамии и использовавшейся для записи шумерского, а позднее также и аккадского языков. Заметной особенностью хеттского письма являлось параллельное использование фонетических написаний хеттских словоформ при помощи слоговых знаков, а также написаний, использующих элементы шумерского и аккадского языков. Такие написания мы будем называть *гетерографическими* или просто *гетерограммами*. Дошедшие до нас тексты на хеттском языке демонстрируют высокую частотность употребления гетерограмм в текстах самых разных жанров.

Шумерограммы принято транслитерировать заглавными буквами, аккадограммы – заглавным курсивом. Детерминативы – произносимые указатели на семантический класс лексем, в роли которых в хеттских текстах могли выступать некоторые шумерограммы, – транслитерируются надстрочными знаками.

Данная диссертация посвящена изучению некоторых аспектов употребления гетерограмм в хеттских клинописных памятниках.

Цели и задачи работы

Целью данной работы является уточнение статуса гетерограмм в хеттских текстах с точки зрения их соответствия хеттскому языковому материалу и их функций в рамках системы хеттской письменности. Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие **задачи**:

1. Проанализировать историю изучения хеттских гетерограмм и текущее состояние связанных с ним проблем, а также принятую в хеттологических работах терминологию, используемую для обозначения шумеро- и аккадограмм.

2. Определить при помощи анализа сочетаний гетерограмм с сентенциальными и несентенциальными клитиками, отражает ли инвертированный порядок слов, который нередко встречается в гетерографических написаниях, порядок слов при диктовке хеттских текстов.
3. Проанализировать однозначность соответствия гетерографических написаний в хеттских текстах исходным высказываниям на хеттском языке на примере сочетаний шумерограммы KUR с топонимами и на материале употребления аккадских посессивных суффиксов в новохеттский период.
4. Охарактеризовать хеттские гетерографические написания с точки зрения их функций. Сравнить употребление гетерограмм в текстах на хеттском языке и в клинописных текстах царства Хаттусы на лувийском и палайском языках.

Перечисленные четыре задачи соответствуют четырём главам, составляющим данную диссертационную работу.

Предмет исследования

Предмет настоящего исследования — интерпретация шумеро- и аккадографических написаний, широко представленных в хеттских текстах всех периодов и жанров. В первую очередь нас будет интересовать интерпретация таких написаний с точки зрения сведений о синтаксической структуре подразумеваемых устных высказываний, которые легли в основу клинописного текста. Помимо синтаксической структуры в понятие интерпретации в рамках данной работы мы включаем функции гетерографических написаний и вопрос об однозначности их соответствия устному языковому материалу. Такой предмет исследования не является традиционным для большинства исследований письменных текстов на древних языках, для которых традиционно предполагается существование взаимнооднозначного соответствия между письменной и устной формой. Особенностью предмета настоящего исследования является крайняя ограниченность исторических источников, которые могли бы послужить для уточнения или подтверждения результатов анализа при помощи

лингвистической методологии: так, нам до сих пор крайне мало известно о системе писцового образования в государстве Хаттусы, а также о том, в каких ситуациях создавались тексты на хеттском языке и как именно они функционировали. Основная информация о бытовании письменности в Хаттусе была получена как раз в результате филологического анализа текстов из её писцовых архивов¹.

Объект исследования

К выбору хеттской письменности в качестве основного **объекта данного исследования** автора подтолкнул, помимо всего прочего, значительный прогресс в исследованиях хеттского языка на всех уровнях, отразившийся в недавних работах как отечественных, так и зарубежных хеттологов. Тем не менее, поскольку изучение хеттского языка возможно лишь на материале дошедших до нас письменных источников, изучение системы хеттской письменности представляет собой задачу первостепенной важности: лишь при условии правильного понимания функционирования письменности, которой пользовались писцы царства Хаттусы, возможно делать обоснованные выводы о свойствах самого хеттского языка.

Актуальность исследования

Актуальность исследования, лежащего в основе текста данной диссертации, подтверждается возросшим в последнее время интересом к проблемам, связанным с хеттскими гетерограммами, и выходом значительного количества работ, так или иначе связанных с их изучением. Помимо монографий Марка Видена (Weeden, 2011) и Хеннинга Марквардта (Marquardt, 2011), специально посвящённых изучению хеттских гетерограмм, в этом ряду можно упомянуть, в частности, недавние статьи Lorenz, Rieken, 2012, Torri, 2012, Cajnko, 2016. Работы van Soldt, 2010, Rubio, 2007, Cancik-Kirschbaum, 2012 и др. сигнализируют также о возросшем интересе к проблемам, связанным с развитием письменности и особенностями её заимствования на Древнем Востоке.

¹ См., например, работы van den Hout, 2007, Weeden, 2011.

Новизна исследования

О **новизне** данного исследования свидетельствует, главным образом, отсутствие работ, в которых поднимался бы вопрос об однозначности гетерографических написаний, анализировался бы гетерографический порядок слов и его соотношение с порядком слов в исходном устном высказывании, использовался бы материал лувийских и палайских клинописных текстов при дискуссии о функциях хеттских гетерограмм. Помимо новых исследовательских вопросов, данное исследование характеризуется также новизной методологии. Так, использование информации о позиции сентенциальных и несентенциальных клитик для определения порядка слов в предложении – нестандартный метод, обусловленный, в свою очередь, нестандартными условиями исследовательской задачи.

Методы исследования

Основным **методом**, применявшимся в данном исследовании, был *метод корпусного анализа*. Поскольку единственным источником наших знаний о хеттском языке и письменности являются письменные тексты, при работе с источниками применялся также *филологический метод*.

Практическая и теоретическая ценность работы

Практическая ценность данной работы состоит в предоставлении новых данных о структуре и функционировании хеттской письменности. Выводы, сделанные в ходе настоящей работы, могут быть использованы при составлении университетских курсов по хеттскому языку и напрямую влияют на интерпретацию текстов на этом языке.

Все примеры на хеттском языке, приведённые в диссертации, снабжены пословным глоссированием, что делает работу доступной не только для специалистов по анатолийским языкам, но и для широкого круга исследователей гуманитарных дисциплин. Хеттская письменность представляет собой интересный случай с точки зрения отношения

письменного знака к устному означаемому, поэтому выводы, сделанные в ходе данного исследования, могут быть востребованы специалистами по семиотике, а также по типологии и истории систем письма. В этом заключается **теоретическая ценность** настоящей работы.

Исследовательский корпус

Данная диссертационная работа выполнена на материале корпуса текстов всех эпох (традиционно историю развития хеттского языка и письменности принято делить на три периода: древнехеттский, среднехеттский и новохеттский), который содержит в себе значительную часть дошедших до нас письменных источников на хеттском языке. Полный перечень хеттских текстов, которые использовались в ходе исследования, приведён в приложении к диссертационной работе.

При исследовании употребления гетерограмм в лувийских и палайских клинописных памятниках были проанализированы тексты на лувийском и палайском языках, содержащиеся в изданиях Starke, 1985 и Carruba, 1970 соответственно.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Принятая в настоящее время в хеттологической литературе характеристика шумеро- и аккадограмм как идеограмм или логограмм теоретически непоследовательна. В качестве альтернативной характеристики предлагается использовать термин «гетерограмма», уже использующийся в отечественном востоковедении.
2. Инвертированный порядок слов в гетерографических написаниях в ряде случаев мог отражать реальный порядок слов в писцовом жаргоне. Хеттский писцовый жаргон испытывал сильное влияние аккадского языка, что отражалось в возможности существования в его рамках синтаксических составляющих с правым ветвлением, не свойственных устному хеттскому языку. Также в писцовом жаргоне

были возможны «непрозрачные» для клитик синтаксические составляющие, отсутствующие в устном языке.

3. Из шумеро- и аккадографических написаний не всегда может быть однозначно восстановлен текст устного источника. Неверно, таким образом, говорить, что хеттскими писцами ставилась задача точной передачи языковой формы устного высказывания.
4. Основной функцией шумеро- и аккадограмм в хеттских текстах была аббревиация текста для сокращения работы писца. Другой заметной функцией гетерограмм была семантическая аннотация, позволяющая маркировать на письме дополнительные значения, не выражаемые в устном языке. Употребление шумеро- и аккадограмм в целом не было связано со стилистикой текста.

Апробация результатов работы

Предварительные результаты диссертационного исследования докладывались автором на нескольких отечественных и зарубежных конференциях: X традиционных чтениях памяти С.А. Старостина (РГГУ, Москва, 26-27 марта 2015 г.), на конференции *Rencontre Assyriologique Internationale 61* (Université de Genève, Женева и Universität Bern, Берн, 22-26 июня 2015 г.), на конференции «Insufficient strength to defend its case: Case attraction and related phenomena» (Uniwersytet Wrocławski, Вроцлав, 18-19 сентября 2015 г.), на конференции «Hrozný and Hittite: The First Hundred Years» (Univerzita Karlova, Прага, 12-14 ноября 2015 г.), на конференции «Индоевропейское языкознание и классическая филология (Чтения памяти И. М. Тронского)» (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 26–28 июня 2017 г.), на конференции *Rencontre Assyriologique Internationale 63* (Philipps-Universität Marburg, Марбург, 24-28 июля 2017 г.) и на конференции «Востоковедные чтения 2018. Лексикология и лексикография. К 200-летию ИВ РАН» (Институт востоковедения РАН, Москва, 4-6 апреля 2018 г.). Основные положения и результаты исследования отражены также в ряде статей автора, которые были опубликованы в отечественных и зарубежных изданиях.

Объем и структура работы

Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка литературы и приложения.

Содержание работы

Во введении к диссертации приводится краткая информация об истории и особенностях хеттской письменности, даётся понятие гетерографического написания, а также приводятся примеры гетерографических написаний, которые встречаются в хеттских клинописных текстах. Вслед за этим речь идёт о текущем состоянии исследований хеттских гетерографических написаний, исходя из которого формируется цель данного исследования и формулируются его задачи. Также введение содержит формальные квалификационные характеристики работы.

Первая глава диссертации посвящена истории изучения хеттских гетерографических написаний, а также анализу принятой в хеттологической литературе терминологии для обозначения шумеро- и аккадограмм.

В востоковедной литературе можно встретить различные трактовки употребления шумерограмм и аккадограмм – в терминах идеографического, логографического, гетерографического или аллографического письма. Данная вариативность связана как с объективной сложностью самого явления, так и с различными интерпретациями приведённых выше терминов у разных авторов. В связи с этим в первой части главы предлагается сжатый обзор основных понятий, используемых далее в данной работе: мы подробно останавливаемся на значении и на узусе употребления терминов «идеограмма», «логограмма», «гетерограмма» и «аллограмма» в классических и современных востоковедческих работах.

В лингвистической литературе нет единства интерпретации этих терминов. Так, что касается терминов «идеограмма» и «логограмма», чёткое разграничение между ними проводится далеко не всегда, и оба этих понятия нередко употребляются по отношению к нефонетическим знакам различных систем письменности. В связи с этим некоторые теоретики письма, например, американский лингвист середины прошлого века Игнас Гельб, указывавший

на злоупотребление востоковедами термином «идеограмма»², настаивают на употреблении данного понятия в соответствии с его внутренней формой, то есть лишь для обозначения знаков некоторых примитивных систем, которые не имеют средств для однозначной записи конкретных языковых выражений. Знаки в таких системах не связаны с конкретными языковыми формами и вызывают у «читателя» лишь ассоциации с определёнными понятиями, в совокупности передавая общий смысл подразумеваемого сообщения. В то же время нефонетические знаки полноценных письменных систем, таких, как древнеегипетская или шумерская, по Гельбу, следует называть «логограммами», поскольку всякое употребление нефонетического знака в текстах, записанных с использованием таких систем, отсылает к единственному и определённому слову языка, которое имеет в виду пишущий. Термин «логограмма» Гельб определяет как «знак, обычно обозначающий одно или несколько слов языка»³.

Термин «гетерограмма» широко используется уже по меньшей мере с середины прошлого века; его употребления при этом ограничены, прежде всего, иранистической литературой, где гетерограммами принято называть арамейские написания, во множестве встречающиеся в текстах на среднеиранских языках, например, на парфянском или согдийском. В отечественном востоковедении термин «гетерограмма» был перенесён из иранистики в область изучения клинописных языков Игорем Михайловичем Дьяконовым, который определял гетерограмму как «знак или сочетание знаков, выражающие слово одного языка, но предназначенные для прочтения в переводе на другой язык в составе текста на этом другом языке»⁴.

Далее приводится краткий обзор изучения хеттских гетерограмм в прошлом, включающий в себя сведения об истории взглядов на статус шумеро- и аккадограмм, а также о различных точках зрения на проблему интерпретации таких написаний.

Основным термином, принятым для обозначения шумеро- и аккадографических написаний в современной хеттологической

² «This term [ideography], too, has been extended outside of the sphere of primitive systems, sometimes to cover cases in which it is entirely misappropriate. The Orientalists who use the term 'ideogram' for the simple word sign or logogram have been so sinful in this respect that the term 'ideography' has become a real opprobrium in linguistic circles», см. Gelb, 1963, с. 35.

³ «[A] sign [that] normally stands for one or more words of the language», см. там же, с. 250.

⁴ Дьяконов, 1990, с. 103.

литературе является «логограмма». Так, именно этот термин был вынесен Марком Виденом в заглавие его влиятельной монографии (Weeden, 2011), посвящённой изучению различных вопросов, связанных с функционированием шумеро- и аккадограмм в рамках хеттской письменности. Согласно Видену, логограмма – это знак или слово, которое используется для обозначения некоторого другого слова⁵. Виден пишет, что логограммы «всегда лексически реализуются, и правила этой лексической реализации известны тем, кто использует данную систему письма»⁶. Что касается термина «гетерограмма», Виден понимает его несколько иначе, чем Дьяконов. Согласно Видену, использование данного термина по отношению к некоторому иноязычному написанию означало бы признание того, что такой способ записи «добавляет дополнительный уровень значения, выбор которого означал бы определённое намерение со стороны пишущего, например, сигнализировать об определённом стилистическом регистре»⁷. Вопрос о том, можно ли считать шумеро- и аккадограммы гетерограммами, то есть «осознанно шумерскими и аккадскими написаниями в хеттском тексте»⁸, Виден считает неясным и во многом связанным с вопросом интерпретации данных написаний.

По мнению Видена, который в своей монографии попытался отойти от общепринятого представления о шумерограммах и аккадограммах как о бессистемных альтернативах фонетическим написаниям соответствующих хеттских слов, хеттские шумерографические написания едва ли могли быть мотивированы шумерским языком, хотя отмеченные им случаи ошибочных написаний, в основе которых лежало использование шумерских фонетических значений шумерограмм, свидетельствуют об определённом знакомстве писцов с шумерским⁹. В свою очередь, по мнению Видена, хеттские аккадографические написания во многих случаях не могли являться ничем иным как фрагментами текста на собственно аккадском языке. Виден уделил достаточно большое внимание описанию орфографических,

⁵ Weeden, 2011, с. 3.

⁶ «It [logogram] is always lexically realised and the rules for that lexical realisation will be known to the users of the writing system...», см. там же, с. 4.

⁷ «... adds a further level of meaning, the selection of which would have indicated an intention on the part of the writer, perhaps to signal a particular stylistic register», см. там же, с. 5.

⁸ «[S]pecifically and consciously Sumerian and Akkadian writings in the Hittite text», см. там же, с. 10.

⁹ там же, с. 359.

морфологических и синтаксических особенностей хеттских аккадограмм и пришёл к выводу, что не все из них мотивированы исключительно влиянием хеттского языка, а многие черты языка аккадограмм вполне допустимы и в периферийных аккадских диалектах. Согласно Видену, именно аккадский язык, будучи основным языком письменной культуры, являлся основным источником инноваций в использовании хеттскими писцами шумерограмм и аккадограмм. Виден заключает, что в рамках хеттской писцовой школы мог быть выработан свой жаргон, характеризующийся большим количеством конструкций, появившихся под влиянием аккадского языка, и использовавшийся в ситуации написания или диктовки клинописного текста¹⁰.

Тем не менее, Виден в своей монографии настаивает на употреблении по отношению к хеттским шумеро- и аккадограммам традиционного термина «логограмма». В первой главе далее демонстрируются недостатки такого подхода. Так, далеко не все шумеро- и аккадографические написания в хеттских текстах, вопреки внутренней форме и традиционному определению термина «логограмма» соответствуют определённому *слову*: нередко при помощи заимствованных графем в тексте обозначается лишь часть хеттской словоформы, чаще всего – её основа, при этом остаток словоформы записывается при помощи слоговых клинописных знаков. Не соответствуют никакой целой хеттской словоформе также аккадские предлоги, которые используются в хеттских текстах для указания на падеж других словоформ, записанных гетерографически. Аналогичная проблема возникает и при характеристике как логограмм детерминативов, которые являлись непроизносимыми указателями на семантический класс словоформ.

В качестве возможной альтернативы для характеристики шумеро- и аккадограмм в хеттских текстах в первой главе предлагается термин «гетерограмма». Гетерограммой мы предлагаем называть *знак или сочетание знаков, которые воспроизводят на письме некоторый фрагмент текста на языке А в качестве части текста, написанного на языке В, где А и В – два различных языка, а данный фрагмент текста не существует в устном языке В*. Преимуществом данного определения является то, что оно учитывает, помимо всего прочего, и те случаи, когда

¹⁰ Weeden, 2011, с. 359.

шумерограммы и аккадограммы в аккадских текстах не соответствуют никаким отдельным хеттским словам, а обозначают хеттские морфемы. В то же время недостатком определения гетерограмм по Видену является прежде всего его практическая неприменимость к задаче изучения древних письменностей: для абсолютного большинства случаев представляется невозможным установить, имели ли хеттские писцы намерение обозначить некоторый стилистический регистр в каждом из случаев, когда они использовали шумеро- и аккадограммы.

Вторая глава посвящена проблеме порядка слов в хеттских текстах, частично записанных гетерографически, в частности тому, как порядок слов на письме соотносился с порядком слов в исходном устном тексте. В качестве основного источника информации о порядке слов в устном источнике в данной главе рассматриваются сочетания гетерографических единиц с сентенциальными и несентенциальными клитиками, поскольку их позиция внутри клаузы была жёстко фиксирована. Наше исследование в данном случае ограничено рассмотрением порядка слов в именных группах.

Хеттский традиционно рассматривается как язык с левым ветвлением: под этим подразумевается, что зависимые элементы обычно располагаются левее по отношению к своей синтаксической вершине. Как следствие общей тенденции, именные модификаторы в хеттском языке чаще всего предшествуют вершинному имени в составе именной группы:

- (1) *kāš* *tantukešnaš* DUMU-*aš*
 DEM.NOM.SG.C смертность.GEN.SG сын.NOM.SG
 ‘Этот смертный (букв. ‘этот сын смертности’).’ (KUB 7.5 obv. i 8 (HX))¹¹, см. Hoffner, 1987, с. 272)

В том случае, когда именная группа записана полностью или частично гетерографически, была возможна инверсия именных модификаторов:

- (2) ḪUR.SAG.MEŠ GAL-TIM *paṅgauēš* TUR.MEŠ-TIM
 гора.PL большой.OBL.PL каждый.NOM.PL.C маленький.PL-OBL.PL
 ‘(О,) все большие (и) маленькие горы...’ (KUB 30.36 obv. ii 3 (HX))

Тот факт, что инверсия именных модификаторов чаще всего происходит при гетерографических написаниях, позволил некоторым

¹¹ Датировка письменных памятников здесь и далее приводится согласно справочнику S. Kořak, hethiter.net/: hetkonk (v. 1.98).

исследователям предположить, что такие написания в действительности не отражают хеттский порядок слов. Так, по мнению авторов «Хеттской грамматики» Г. Хоффнера и К. Мелчерта, примеры с постпозицией зависимых в именных группах, частично записанных гетерографически, могут являться результатом графической инверсии, имитирующей шумерский или аккадский синтаксис¹².

Для того, чтобы протестировать данную гипотезу, мы обращаемся к сочетаниям гетерографических именных групп с сентенциальными клитиками. Хеттский язык располагал набором сентенциальных («вакернагелевских») энклитик, которые располагались после первого элемента клаузы. Таким первым элементом, выполняющим функции несущей словоформы для вакернагелевских энклитик, могла быть как полноударная словоформа, так и словоформа, не имеющая самостоятельного ударения:

- (3) $nu=war=aš=mu=kan$ ВА.ÚŠ
 "=3SG.NOM.C=1SG.DAT=PTC умирать.PST.3SG
 ‘И он [мой муж] у меня умер.’ (КВо 5.6 rev. iv 5 (HX), ср. Güterbock, 1956, с. 96)

Учитывая приведённые выше сведения о постановке сентенциальных клитик, в том случае, когда именная группа, состоящая более чем из одной словоформы, оказывается в абсолютном начале клаузы, ожидалось бы, что сентенциальные клитики займут позицию после первой словоформы в составе данной именной группы. Исходя из того, что известно о порядке слов внутри именной группы, также ожидалось бы, что обычно эта первая словоформа будет являться именным модификатором. Большинство найденных примеров с именными группами, записанными полностью или частично фонетически, подтверждают данные соображения:

- (4) $nepišaš=ma=war=aš$ $ḥarnamniyašḥaš$
 небо.GEN.SG=PTC=QUOT=3SG.NOM.C волнение.NOM.SG
 ‘Это волнение неба.’ (KUB 33.96 rev. iv 11 (HX), см. Güterbock, 1951, с. 158)

¹² См. Hoffner, Melchert, 2008, с. 273.

Если вершинное имя в составе именной группы записано при помощи гетерограммы без хеттского фонетического компонента, порядок слов в такой именной группе чаще всего будет инвертирован по отношению к стандартному для хеттского языка порядку слов, и именные модификаторы будут следовать за вершиной. Большинство сочетаний таких именных групп с сентенциальными клитиками подтверждают гипотезу о графической инверсии: если именная группа в позиции начала клаузы записана с порядком слов «вершина» – «зависимое», сентенциальные клитики обычно присоединяются к её последней словоформе, то есть (чаще всего) к модификатору вершинного имени:

- (5) KUR UGU=*ya=mu* *maniyahhanni* *pešta*
 страна верх=&=1SG.DAT управление.DAT/LOC.SG давать.PST.3SG
 ‘Он дал мне Верхнюю страну в управление.’ (KUB 1.1 obv. i 26 (HX), см. Otten, 1981, с. 6)

Тем не менее, в ходе данного исследования было найдено небольшое число примеров, которые демонстрируют расположение сентенциальных клитик второй позиции на вершинном имени внутри составных гетерографических именных групп:

- (6) ÉRIN.MEŠ=*ma=šši=kan* ŠA KUR ^{URU}*IŠH[UP]I[TTA]* ...
 военный отряд.PL=PTC=3SG.DAT=PTC GEN страна город Исхупитта
 ‘Но (ты не должен задерживать) отряды страны города Исхупитта, (нужные) для этого.’ (HKM 72 rev. 30 (CX), см. Hoffner, 2009, с. 231)
- (7) *kaniššūwar=ma=mu* ŠA ^D*IŠTAR=pat* GAŠAN=*ya*
 уважение.NOM.SG=PTC=1SG.DAT GEN Иштар=PTC госпожа=POSS.1SG
ēšta
 быть.PST.3SG
 ‘Но у меня было уважение Иштар, моей госпожи.’ (KUB 1.1 obv. i 70 (HX), см. Otten, 1981, с. 8)

Расположение цепочек клитик в данных примерах указывает на то, что именно вершинное имя в каждом из этих случаев являлось первым произносимым элементом внутри клаузы, а именные модификаторы следовали за своей вершиной. Такое расположение клитик не может объясняться при помощи гипотезы о графической инверсии.

В хеттском писцовом жаргоне, таким образом, в отличие от стандартного хеттского синтаксиса в том виде, в котором мы его себе представляем, были возможны именные группы с правым ветвлением. Следовательно, хеттский писцовый жаргон находился под серьёзным влиянием шумерского и/или аккадского синтаксиса. Примеры, в которых именные группы с правым ветвлением записаны частично фонетически, говорят о том, что здесь не могло иметь место переключение кодов: речь идёт именно о хеттском языковом материале, в синтаксической структуре которого произошли изменения.

Любопытны примеры с именными модификаторами-числительными:

- (8) 300 ÉRIN.MEŠ=*wa=kan* *dahhun*
 300 военный отряд.PL=QUOT=PTC брать.PST.1SG
 'Я взял 300 военных отрядов' (НКМ 36 obv. 31 (СХ), см. Hoffner, 2009, с. 370)

Несмотря на то, что сентенциальные клитики в данном случае располагаются на вершинном имени, представляется невероятным, чтобы такая постанова клитик не может свидетельствовать о постпозиции числительного по отношению к своей вершине: и в шумерском, и в аккадском языках расположение числительных внутри именной группы такое же, как и в хеттском языке. Таким образом, остаётся сделать вывод, что в хеттском писцовом жаргоне были возможны «непрозрачные» именные группы с зависимыми-числительными. Подобные написания, вероятно, свидетельствуют о произнесении таких сочетаний по-аккадски: определённые числительные в писцовом жаргоне могло быть принято произносить по-аккадски, а они, в свою очередь, могли служить триггером для переключения кода в пределах всей именной группы.

Независимым подтверждением вывода об именных группах с числительными являются результаты исследований сочетаний гетерографических именных групп с энклитикой $=(y)a$, приведённые далее во второй главе. Данная энклитика могла использоваться внутриклаузально для сочинения отдельных слов и синтаксических групп внутри клаузы, а также функционировала в качестве показателя аддитивного фокуса (в значениях 'даже', 'тоже'). Показано, что в этих случаях эта энклитика обычно располагается после первого слова синтаксической составляющей, к

которой относится. В сочетаниях с гетерографическими именными группами данная энклитика нередко располагается на вершинном имени в тех случаях, когда именным модификатором при вершине является числительное. Таким образом, материал как сентенциальных, так и несентенциальных клитик указывает на «непрозрачность» для клитик сочетаний с числительными.

Третья глава диссертации посвящена исследованию возможности однозначного перехода от гетерографического написания к исходному устному высказыванию на хеттском языке. То, что такой однозначный переход возможен, сейчас явно или неявно принимается большинством специалистов в области хеттского языка.

Проблема однозначности рассматривается на нескольких примерах. Так, для частотных сочетаний шумерограммы KUR ‘страна’ с топонимами показывается, что во многих случаях они могли соответствовать одиночным топонимам в устной речи. К этому выводу мы приходим на основе анализа сочетаний KUR с топонимами, имеющими падежные окончания.

Впрочем, гораздо чаще топонимы в сочетании с шумерограммой KUR употребляются в форме чистой основы; так выглядит, например, KUR^{URU} KARGAMIŠ в примере ниже:

- (9) *nu=šši ANA KUR^{URU} KARGAMIŠ^{URU} Kargamišaš=pat*
 &=DAT.3SG LOC страна город Каркамис город Каркамис.NOM.SG=PTC
 1-aš URU-aš ŪL takšulait
 1.NOM.SG.C город.NOM.SG NEG заключать мир.PST.3SG

‘В регионе города Каркамис только город Каркамис, один город, не заключил мир с ним.’ (КВо 5.6 obv. ii 9-10 (HX), см. del Monte, 2008, с. 106.)

В редких случаях, однако, топоним после KUR нёс на себе падежное окончание (KUR^{URU} Taqqaštaš в примере ниже):

- (10) *nu=šši apēz KUR^{URU} Taqqaštaš ZAG-aš*
 &=3SG.DAT DEM.ABL страна город Таккаста.NOM.SG граница.NOM.SG
 ēšta
 быть.PST.3SG

‘Оттуда страна города Таккаста была ему границей.’ (КВо 3.6 obv. ii 16-17 (HX))

Традиционно такие написания с падежными окончаниями на топониме интерпретируются как отражающие аппозитивную конструкцию в устном языке. Мы демонстрируем, однако, что падежная аттракция в хеттском практически не засвидетельствована для номинативных именных групп, в то время как значительная часть топонимов с падежными окончаниями после KUR засвидетельствована именно в составе именных групп в номинативе. Таким образом, мы делаем вывод о том, что в таких контекстах шумерограмма KUR не произносилась и должна интерпретироваться скорее как детерминатив при топониме. Эта гипотеза находит также независимое подтверждение в том, что употребление KUR при топонимах нередко было непоследовательным.

Поскольку в большинстве случаев по письменной записи сочетания KUR с топонимом невозможно установить, был ли в устной речи осуществлён эллипсис хеттской словоформы, соответствующей шумерограмме KUR, то нужно признать, что такие сочетания представляют собой пример неоднозначности гетерографических написаний.

Не позволяют однозначно установить хеттское соответствие и новохеттские написания, в которых использовались аккадские притяжательные суффиксальные морфемы. Дело в том, что в древне- и среднехеттский периоды посессивное отношение в хеттском языке могло выражаться, помимо других средств, энклитическими посессивными местоимениями, которые присоединялись к имени-обладаемому: *kiššari=mi* ‘в моей руке’, *atti=ši* ‘его отцу’. В гетерографической записи хеттские посессивные местоимения нередко передаются при помощи аккадских посессивных суффиксов: *DUMU=šU* ‘его сын’. К новохеттскому периоду эта конструкция, как считается, выходит из употребления в устном хеттском языке. Тем не менее, употребление аккадских посессивных суффиксов в новохеттский период не сходит на нет одновременно с окончанием употребления в устном хеттском языке энклитических местоимений, причём формы с аккадскими посессивными суффиксами встречаются как в новохеттских копиях древне- и среднехеттских сочинений, так и в оригинальных новохеттских текстах. В главе показывается, что интерпретация подобных написаний неоднозначна: предполагается, что во многих случаях они могли соответствовать сочетаниям имени-обладаемого с

личными местоимениями в генитиве. Тем не менее, в некоторых случаях это точно не могло быть так: например, когда в этой же клаузе присутствовало записанное фонетически генитивное или дативное местоимение:

- (11) *tuk=ma=wa* DUMU.MEŠ=KA *meggauš*
2SG.DAT=PTC=QUOT сын.PL=POSS.2SG большой.NOM.PL.C
memiškanzi
говорить.PRS.3PL
'Говорят, что у тебя много детей.' (КВо 5.6 rev. iii 11-12 (НХ), см. del Monte, 2008, с. 89.)

Подобные примеры показывают, как одно и то же гетерографическое написание в разных контекстах могло соответствовать разным фразам на хеттском языке. В тех случаях, когда в клаузе с гетерограммой с посессивным показателем нет ни дативных сентенциальных клитик, ни записанного при помощи силлабограмм независимого генитивного местоимения, определить хеттское соответствие для такого гетерографического написания не представляется возможным.

В контексте дискуссии об однозначности гетерографических написаний любопытно рассмотреть также сочетания шумерограммы DAM 'жена' (акк. *aššatu*) с аккадскими посессивными показателями. -ZU. Так, по мнению Марка Видена, последовательное написание шумерограммы DAM с посессивным показателем третьего лица единственного числа в форме номинатива и аккузатива единственного числа в виде DAM-ZU с аккадским фонетическим комплементом, отражающим аффрикатизацию на стыке корня и суффикса, и в косвенных падежах в виде DAM-ŠU без аффрикатизации должно отражать произнесение писцами Хаттусы данной словоформы по-аккадски¹³.

Тем не менее, в редких случаях написание шумерограммы DAM в сочетании с неподходящей формой аккадского посессивного показателя -ŠU может встречаться и в синтаксической функции, соответствующей хеттскому (и аккадскому) именительному падежу. В таких случаях оказывается, что составное гетерографическое написание совершенно неоднозначно по отношению к языку его соответствия в писцовом жаргоне: в пользу хеттского соответствия говорит искусственность аккадской формы, в пользу аккадского

¹³ Weeden, 2011, с. 186-187.

— то, что для остальных случаев употребления шумерограммы с аккадскими посессивными показателями предполагается аккадское соответствие.

Четвертая глава отведена анализу различных гипотез, связанных с функциями гетерограмм в хеттских текстах.

Традиционно употребление гетерограмм связывалось со стремлением писцов к экономии времени и места на табличке за счёт сокращения длинных написаний при помощи силлабограмм при помощи более кратких гетерографических написаний. Тем не менее, лишь для шумерограмм, которые в большинстве своём состояли из одного-двух клинописных знаков очевидно, что они в среднем короче фонетических написаний соответствующих хеттских словоформ (это же подтверждается и статистическими подсчётами, см. Marquardt, 2011, с. 116-117). Более интересный вопрос о том, играла ли аббревиация существенную роль при использовании аккадограмм, которые сами записывались при помощи фонетических знаков, остаётся на сегодняшний день открытым.

В качестве другой возможной мотивации к употреблению шумерограмм называлась также орфографическая простота последних: так, Марквардт предположил¹⁴, что использование гетерограмм могло существенно облегчать работу писца в тех случаях, когда силлабографическая запись необходимой словоформы могла представлять сложность ввиду наличия орфографических вариантов. Мы показываем, что те подсчёты, которыми Марквардт подкрепляет свою гипотезу, не дают возможности объективно оценить значимость этого параметра, и могут быть истолкованы иначе.

Далее мы демонстрируем, что употребление шумеро- и аккадограмм в целом не было связано со стремлением писцов придать тексту определённую стилистику: в противном случае мы ожидали бы обнаружить более высокую концентрацию гетерографических написаний в текстах, которые подвергались более тщательному редактированию и существовали во множестве копий, по сравнению с текстами, срок службы которых был ограничен. Тем не менее, такая зависимость отсутствует.

С другой стороны, мы показываем, что по крайней мере в некоторых случаях шумеро- и аккадограммы использовались для

¹⁴ Marquardt, 2011, с. 118-121.

улучшения письменной коммуникации, а именно для облегчения потенциальному читателю процесса понимания клинописного текста. В такой функции могли выступать прежде всего непроизносимые элементы: детерминативы, аккадографические предлоги, шумерографические показатели множественного числа. С их помощью писцы могли передавать дополнительную семантическую или синтаксическую информацию, которая не могла быть выражена на письме при помощи силлабографических написаний.

Такой вывод, в частности, мы делаем на основе исследования дистрибуции аккадографических предлогов *ANA* и *INA* в новохеттских текстах. Эти предлоги в указанный период с формальной точки зрения были синонимичны: оба они указывали на форму хеттского датива/локатива, который тогда использовался как для маркирования аргументов с семантической ролью конечной точки движения, так и для обозначения статичного нахождения объекта в пространстве. Тем не менее, наш анализ материала позволил выделить некоторые закономерности в их распределении. Так, *INA* имеет тенденцию употребляется в пространственном значении при топонимах, а *ANA* – в прочих случаях:

- (12) *ammuk=ma INA* ^{HUR.SAG} *KASSŪ ANA* ^m *PITTAPARA Ū ANA NAM.RA*
 я=РТС ALL гора Кассу ALL Питапара & ALL люди
EGIR-anda pāun
 ADV идти.PST.1SG
 ‘Я же пошёл на гору Кассу, к Питапаре и за (пленными) людьми.’
 (КВо 5.8 rev. iii 40-41 (HX))

- (13) *nu INA* ^{URU} *APĀŠA ANA URU-LIM ŠA* ^m *ŪḪḪA-LŪ andan*
 & ALL город Апаса ALL город.GEN.SG GEN Уххацити ADV
pāun
 идти.PST.1SG
 ‘Я вошёл в город Апаса, город Уххацити.’ (КВо 3.4 obv. ii 29–30 (HX),
 Götze, 1933, с. 50)

Следование данному распределению было избыточно с точки зрения передачи на письме устной хеттской речи, но позволяло передавать не отражавшиеся в ней различия. В четвёртой главе приведены и другие примеры использования гетерограмм в аналогичной функции.

Предполагается, что подобное использование гетерограмм предопределило тот факт, что инвентарь гетерограмм, несмотря на то, что он изначально был избыточен для передачи на письме хеттской грамматики (достаточно вспомнить лишь наличие двух конкурирующих шумерографических показателей множественного числа), не сокращался со временем: каждая гетерограмма имела собственный набор коннотаций, за счёт которых между гетерограммами, имеющими одно и то же хеттское соответствие, могла возникнуть дополнительная дистрибуция.

Далее, анализ употреблений гетерограмм в палайских и лувийских клинописных текстах подтвердил, что важнейшей функцией таких написаний являлась аббревиация: примеры подобного использования гетерограмм были найдены даже в текстах на этих языках, притом что употребление заимствованных графем в них было по разным причинам ограничено.

Анализ дистрибуции гетерограмм в палайском и лувийском контексте также позволил понять, что статус шумерограмм и аккадограмм в системе хеттской клинописи существенно отличался: если первые воспринимались как неотъемлемая часть инвентаря клинописных знаков и могли быть легко адаптированы к записи нового языка, аккадографические написания были тесно связаны со своим языком-источником и были специфичны для текстов на хеттском языке, традиция письма на котором выросла из аккадской письменности.

Заключение

В данной работе была предпринята попытка уточнить некоторые аспекты функционирования шумеро- и аккадографических написаний в хеттских текстах.

Шумеро- и аккадограммы могли использоваться для передачи как лексических, так и грамматических значений, причём в зависимости от типа написания и его контекста они могли указывать как на некоторую хеттскую словоформу целиком, так и на её часть (как в случае аккадографических предлогов или «морфограмм»), либо вовсе не указывать ни на какой сегмент на хеттском языке (как в случае шумерограмм в роли детерминативов). В данной работе мы отказались от использования терминов «идеограмма»

и «логограмма», принятых в современной хеттологической литературе по отношению к шумеро- и аккадографическим написаниям в рамках хеттской клинописи, и последовательно использовали для их обозначения термин «гетерограмма», нейтральный по отношению к типу означаемого письменных знаков.

Широкое использование написаний с использованием элементов шумерского и аккадского языков для записи хеттских текстов могло оказывать влияние на языковое поведение писцов. Данное влияние, как было показано в данной работе на примере сочетаний именных групп в гетерографическом написании с клитиками, не ограничивалось уже известными случаями произнесения отдельных гетерограмм на шумерском и аккадском языках при диктовке, но затрагивало также и синтаксическую структуру хеттского предложения. Так, в писцовом жаргоне по сравнению со стандартным хеттским синтаксисом мог подвергаться изменениям порядок слов внутри синтаксических групп по шумерским или аккадским моделям, были возможны «непрозрачные» для клитик группы.

Как было показано на примере сочетаний шумерограммы KUR с топонимами, переход от гетерографических написаний к исходному устному высказыванию не всегда однозначен. Природа неоднозначности, возникающей при использовании гетерографических письменных средств, может быть различной: в некоторых случаях неоднозначность связана с тем, что по гетерографическому написанию невозможно установить исходный порядок слов (как в случае сложных именных групп не в сочетании с клитиками, которые могли бы указывать на исходный порядок слов), в других случаях с тем, что невозможно точно определить состав лексем, скрывающихся за гетерографическим написанием, и тип синтаксического отношения между ними (как в случае сочетаний шумерограммы KUR с топонимами). Другой тип неоднозначности, связанный с переключением кодов в писцовом жаргоне, заключается в том, что в некоторых случаях может быть неясен сам язык исходного устного фрагмента (как в случае сочетания шумерограммы DAM с аккадскими посессивными показателями). Исходя из этого, можно заключить, что передача точного языкового выражения не была приоритетной целью писцов Хаттусы при создании текстов на хеттском языке.

Помимо простого следования традиции, за использованием гетерографических написаний могли стоять и прагматические соображения. Так, анализ употребления гетерограмм показал, что в некоторых случаях (помимо уже известных случаев использования шумерограмм-детерминативов) шумеро- и аккадограммы могли служить для передачи на письме некоторых дополнительных значений, которые не выражались в устной речи и не могли быть выражены на письме. Таким образом, в каких-то случаях затемняя исходное языковое выражение, гетерограммы в то же время служили средством для более эффективной передачи его смысла. В тех случаях, когда был важен не столько смысл, сколько сама языковая форма, использование гетерографических написаний было более спорадическим (как, например, при записи лувийских ритуальных текстов). Очень важна была и самая очевидная функция гетерограмм – аббревиация. Примеры использования гетерографических написаний для аббревиации можно найти в текстах как на хеттском, так и на лувийском и палайском языках. В то же самое время нет оснований говорить о том, что гетерограммы могли когда-либо использоваться в качестве стилистического средства.

Публикации автора по теме диссертации

Публикации в изданиях из списков ВАК РФ, Web of Science и Scopus

Kudrinski M. Hittite heterographic writings and their interpretation // Indogermanische Forschungen — 2016. — No. 121 — Pp. 159–175.

Kudrinski M., Yakubovich I. Sumerograms and Akkadograms in Hittite: Ideograms, Logograms, Allograms, or Heterograms? // Altorientalische Forschungen — 2016. — No. 43/1-2 — Pp. 53–66.

Кудринский М. Аккадские предлоги *ANA* и *INA* в новохеттских текстах // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XXI (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 26-28 июня 2017 г. / под ред. Н. Н. Казанского. — СПб : Наука, 2017. — С. 443–451.

Kudrinski M. Heterograms in Hittite, Palaic and Luwian context // Вестник РГГУ. Серия: Филология. Вопросы языкового родства — 2017. — No. 15/3–4 — С. 238–249.

Прочие публикации по теме диссертации

Kudrinski M. The Sumerogram KUR: logogram or determinative? // Journal of Cuneiform Studies — 2017. — No. 69 — Pp. 117–124.